

Пролог

1. Время и место точно не определены

«Боже, какая благодать!»

Добравшись до каюты, Лиза первым делом освободилась от рваной, грязной и насквозь пропотевшей одежды. Разумеется, не обошлось без боли. Но боль нынче приходила к ней постоянно. И тогда, когда она совершала какое-нибудь непреднамеренно резкое движение, и тогда, когда нагибалась или просто хотела глубоко вздохнуть. Так что ничего нового, тем более неожиданного, не случилось. Рутинная, обыденность, почти привычка.

Раздевшись, Лиза хватанула четверть стакана коньяка в качестве универсального болеутоляющего и проверенного на опыте антидепрессанта и полезла под душ. Срезала маникюрными ножницами бинты, посмотрела на едва успевшую затянуться рану, удовлетворенно кивнула самой себе и пустила воду. Рана, что отрадно, не загноилась и заживала куда быстрее, чем можно было ожидать, — «Прямо как на собаке!» — но мыться, не совершая ровным счетом никаких движений, практически невозможно. Оставалось терпеть, стонать и материться, что Лиза и делала. А материлась она так,

что хоть святых выноси. Хорошо еще, никто ее не слышал, а то мог бы случиться конфуз. Но Лизе повезло и в этом, она на какое-то время осталась одна, предоставленная самой себе. Мария пошла устраиваться в каюте Рощина, а сам полковник в апартаменты капитана Браге переселиться еще не успел. Так что ругайся как хочешь, все равно никто не услышит!

«Да, если и услышат, что с того?»

Оставалось гадать, как Лизе удалось продержаться «в тонусе» все предыдущие дни. Экспедиция-то получилась не из простых и включала среди прочих удовольствий самодеятельный альпинизм без снаряжения и со сломанными ребрами. Но это, если разобраться, как раз в стиле капитана Браге: сжав зубы, терпеть и, не жалуясь, идти вперед. Как там, в «Двух капитанах»? «Бороться и искать, найти и не сдаваться»?¹ Ну, где-то так все и происходило. Плохо ли, хорошо, но Лиза ни разу не остановилась. Так и шла. Потому, наверное, и дошла.

«Мы шли, шли и, наконец, пришли!»

«Откуда это? — задумалась Лиза. — Или там было как-то иначе?»

Очевидно, это опять-таки была какая-то цитата, и, скорее всего, снова из памяти Лизы Берг, а не Елизаветы Браге. Но что за цитата, Лиза сейчас,

¹Первоисточник — поэма «Улисс» английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892).

хоть убей, вспомнить не могла. Да и неважно, на самом деле! Не до того!

Она вышла из-под душа, вытерлась, стараясь не тревожить покоцанный бок, выпила еще четверть стакана коньяка и, наконец, забралась в постель. Вытянулась под легким шелковым одеялом, вдохнула едва уловимый запах фиалок и попросту растаяла от блаженства.

«Боже, какая благодать!»

Так бы и лежала, не двигаясь и ни о чем не думая, но жизнь есть жизнь, и долго наслаждаться покоем ей не позволили. Первым «заскочил пошущу-каться» Райт.

— Вы уж извините, Лиза, что я так, без приглашения, — начал он, всем своим видом изображая смиренное раскаяние и немереное количество сожалений по всем без исключения поводам, — но я так понял, нам есть о чем пошущукаться, ведь так?

— Согласна, только недолго, — Лиза прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, что было непросто, балансируя на границе сна и бодрствования.

— Коротко, — сразу же согласился арматор, — конспективно. Кто такая Мария и с чем ее едят?

— Есть ее не надо, Иан. Да и небезопасно. Маша девушка резкая, может и в лоб дать. Но не даст, если, конечно, сам не нарвешься. — Глаза пришлось открыть, так как говорить «сквозь сон» оказалось не только неприлично, но и затруднительно. — Можешь ей доверять, Иан. Версия, что

она из другого мира, сущая правда, но детали позже. Потерпи!

Разумеется, Лиза не собиралась посвящать Райта ни в какие подробности касательно мира почившего в бозе социализма. Она об этом и вовсе не хотела ни с кем разговаривать, ну, кроме Рощина, разумеется, который и так уже практически все знает, а о чем не знает, о том догадывается. Другое дело Райт. Ему все эти «тайны мадридского двора» знать ни к чему. Но что-то рассказать все-таки придется. Да и «навигацию в сложных условиях неопределенности» обсудить придется тоже. Впрочем, не сейчас, когда Лиза едва способна оставаться в сознании, а когда-нибудь позже.

«Потом! Все потом!»

— Принято, — кивнул Райт. — Каковы наши планы?

— Я отдохну пару дней, — Лиза решила, что пары дней ей должно хватить, учитывая снадобья Тюрдеева и прочие удобства и преимущества цивилизованной жизни. — Вы наверх уже сходили?

— Нет пока, — покачал головой Райт, «поймавший» вопрос, что называется, на лету. — Там все не просто, капитан. Попробовали пару раз, но не смогли. Впрочем, это отдельный разговор. Так что нет, не были. Да и не до того было, если честно. Вас искали, ну заодно и стены кратера обследовали. Между прочим, много интересного нашли, но это я вам тоже как-нибудь потом, Лиза, в лицах и со всеми подробностями...

— Договорились. — Спать расхотелось, но и вылезать из постели Лиза не собиралась. Болеть так болеть!

«Может быть, еще удастся вздремнуть...»

— Значит, наши планы таковы, — сказала она, снова закрывая глаза. — Сходим наверх, посмотрим, что там да как, и домой. А пока суд да дело... Мы там, Иан, внизу сокровища нашли... несметные... — Лиза приподняла веки и посмотрела на Райта сквозь завесу ресниц. — Рощин покажет. Там много всего и... всякого... Не меньше чем в Яруба.

— То есть мы снова богаты?

— Вроде того!

Райт разговором остался доволен и ушел после завершающего обмена репликами так быстро, словно его тут и не было. Как какой-нибудь, прости господи, Чеширский кот. Был и не стало, одно воспоминание.

«Разумный человек... и тактичный. Теперь можно и вздремнуть».

Однако поспать уже не получилось. Вслед за Райтом проведать командира пришли лучшие представители «Дамского клуба»: госпожа первый трюмный инженер Рейчел Вайнштейн и «дочь Оцеолы» — навигатор Анфиса Варзугина. Обе были «в смятении чувств» и, как ни странно, учитывая почти военную дисциплину, царившую теперь на борту крейсера, под градусом. Поэтому полезли целоваться и обниматься, хотя вроде бы успели уже

обменяться нежностями, едва Лиза поднялась на борт. Ну, а где резкие движения, там и боль.

— Ох, ты ж! — выдохнула Лиза после особенно крепких объятий русской американки индейского происхождения. — Ты что творишь, Варза! У меня же ребра, на хрен, сломаны!

В ответ на отповедь последовали слезы раскаяния и пьяные объяснения в любви. Причем сразу от обеих.

— Не подумай плохого, — вытирала сопли Рейчел, — я не в прямом смысле... В смысле, я, вообще-то, предпочитаю мужчин и пенсильванский темный лагерь...

В следующие пять минут госпожа первый трюмный инженер пыталась распутать завязавшиеся морским узлом мысли, но ничуть в этом не преуспела. Варза, впрочем, тоже. Обе были в стельку пьяные и лыка толком не вязали.

— Девки, а вы что пили? — насторожилась Лиза, которой раньше уже приходилось видеть подруг пьяными, но никогда настолько.

Выяснилось, что пили они «трюмный самогон», который гнали умельцы из машинного отделения. Притом употребили девяностоградусный алкоголь впопыхах, чтобы пережить немереное счастье от возвращения Лизы с того света, на голодный желудок и в быстром темпе. Развезло их от такой неосмотрительности изрядно, а Лизе сейчас до полного счастья не хватало только выяснения отношений — в стиле «ты меня уважаешь?» — с двумя близкими,

но сильно пьяными подругами. На счастье, вскоре в каюту своей теперь уже практически официальной любовницы пришел Рошин.

Поставил на пол чемодан и кожаный баул со своими вещами, выпроводил — отправив протрезвляться, — «госпожей офицеров» и, вежливо спросив у Лизы разрешения «воспользоваться удобствами», отправился в душ смывать грязь. Пока он мылся, прибежала запыхавшаяся Мария, только сейчас сообразившая, что для начала у нее нет с собой ни белья, ни самых простых предметов гигиены, без которых не может обойтись «ни одна порядочная женщина». Лиза встать по такому случаю не стала. Объяснила «лотарингской крестьянке», где что лежит, дождалась результатов, включавших в себя сетования на неразвитость в здешнем мире легкой и парфюмерной промышленности, и хотела было задремать, но тут с визитом явился доктор Аллен.

— У вас сломаны ребра, я не ошибся? — сказал он строго, не столько спрашивая Лизу, сколько утверждая видимый невооруженным глазом факт членовредительства. — Могу я вас осмотреть, капитан?

— Вы доктор, вам виднее, — ответила Лиза, выныривая из нирваны, в которую совсем уже собралась погрузиться с головой. — Вы ведь все равно не отвяжетесь, Дейв. Так что — вперед!

— Извините за вопрос, капитан, — Дейв Аллен оторвался на мгновение от Лизиного бока и корот-

ко взглянул ей прямо в глаза, — но где вы умудрились получить огнестрельное ранение?

Что ж, вопрос по существу.

— Имело место досадное недоразумение, — объяснила Лиза, — между мной и дамой, которая поднялась с нами на борт.

— Она в вас стреляла?

— Мы обе стреляли, и обе — не туда куда следует.

— Значит, недоразумение?

— Недоразумение, — подтвердила Лиза. — И хотела бы вам напомнить, Дейв, что капитан здесь я, и это я на борту «Звезды Севера» царь, бог и воинский начальник. Вы меня понимаете, доктор?

— Вполне, — кивнул доктор Аллен и отвел взгляд. — Рана практически затянулась, *капитан!* Впервые вижу такое быстрое заживление.

И опять Лизе почудилось, что интонация доктора Аллена подразумевает много больше, чем заключено в значениях произнесенных им слов.

— А такие шрамы, как у меня, видеть приходилось? — спросила она с внезапно нахлынувшим раздражением.

— Нет, пожалуй, — покачал головой мужчина, — но я понял, к чему вы клоните, чиф. Возможно, вы правы. Я читал кое-что о людях с необычайно эффективной регенерацией тканей.

— Меня обследовали лучшие специалисты Себерской военно-медицинской академии, — Лизе не понравился смысл сказанных Дейвом Алленом слов. Вернее, ее насторожил угадываемый за ними

подтекст. — Они пришли к такому же выводу, доктор. У меня природная способность к быстрой регенерации тканей. Еще они что-то говорили об ускоренном метаболизме и врожденном иммунитете, но я их не поняла.

В конце концов, доктор Аллен ушел, унося с собой свои недоумения и недоговорки, и в спальне снова объявился Рощин. Он совершил ту же ошибку, что и Мария: отправился принимать душ, не озаботившись прежде приготовить хотя бы комплект нижнего белья, не говоря уже о прочем. Поэтому ему и пришлось прятаться в душевой, пока Лиза не останется в каюте одна. Перед ней он мог появиться и в чем мать родила, по известному принципу «плавали, знаем», и да, он был чертовски хорош. Высокий, мускулистый, атлетического сложения...

— Извини, Вадик, — сказала Лиза с неприкрытым сожалением в голосе, — но отдаться тебе я сегодня не смогу... никак... Ни так, ни эдак. Ребра болят!

* * *

Следующие три дня Лиза оставалась в постели. Вставала только для того, чтобы поесть или сходить в уборную. Иногда, правда, шла на компромисс: садилась, опершись на подушки. Тогда можно было выпить чего-нибудь крепкого или горячего и выкурить папиросу. Кок ее баловал, готовил специально для Лизы всякие полезные и необременительные в ее состоянии вкусности и присылал со

стюардом красное тосканское вино — первейшее средство, по утверждению мэтра Тосканини, при значительных кровопотерях. Заходили — проводить — подруги и просто симпатизирующие Лизе все, как один, офицеры брига. И это не считая того, что с ней целыми днями «чесала языками» Мария. Женщина она была умная, с большим жизненным опытом и к тому же образованная, но и Лизе было что рассказать новой подруге. Рощин же большую часть времени бывал занят и приходил только спать. Впрочем, даже ночью толку от него было немного, вернее, не от него, а от нее. Превращать блуд в издевательство над организмом Лиза не хотела и, значит, «соответствовать» не могла. Хотя, видит бог, очень этого хотела. Но хотеть не всегда означает мочь!

Между тем «Звезда Севера» опустилась ниже линии «водяной взвеси», зависла над местом давней трагедии и высадила десант. Наземные команды Анны Монтенелли и Кумуша Сатчи под общим руководством Рощина и при поддержке легких машин — винтокрылов и вертолетов — прошли за три дня вдоль дороги яруба, собирая сокровища разгромленного каравана. А караван, следует заметить, оказался действительно большим и богатым. На борт крейсера было поднято сорок семь килограммов драгоценных камней, в том числе и огромных — от пятисот до тысячи карат весом — алмазов, сапфиров и изумрудов, крупных рубинов и каких-то неопознанных, но очень красивых и твердых, как

алмаз, темно-синих камней. И все это не считая десятков килограммов аметистов, бериллов и топазов. Ювелирные украшения из золота и серебра, холодное оружие — колющее и рубящее, предметы роскоши, типа бронзовых зеркал, костяных гребней и заколок для волос, броши и пуговицы из опалов, яшмы и других самоцветов, замысловатая расписная керамика, резная кость и два десятка огромных бивней, наверняка принадлежавших каким-нибудь ископаемым мастодонтам. В общем, как Лиза и обещаю, настоящее сокровище.

Завершив сбор ценностей, принадлежавших по-прежнему неизвестной, но явно человеческой цивилизации, «Звезда Севера» прошла над дорогой, что называется, от края и до края. Указательных знаков яруба, — а их обнаружилось целых восемь штук, — решили не трогать. На самом деле на этом настояла Лиза, имея в виду возможное возвращение в кальдеру тех, кто снаряжал караваны, подобные тому, который, по всей видимости, разгромили драконы. Но «торговый тракт» разведали основательно, проследив от того места, где Лиза со товарищи поднялась выше линии «туманов», до противоположного конца, где обнаружилась не менее впечатляющая система подъема по вертикальной стене кратера. Лестницы, вырубленные в скале или сколоченные из твердой черной древесины, блочные подъемники, подвесные мосты и узкие каменные тропы, полки и карнизы на голой скале, расселины и проходы сквозь цепи пещер. Однако